

АДВОКАТ, АДВОКАТ,
ОН ВОРЮГЕ —
ДРУГ И БРАТ

Байки

*из жизни армии,
военной прокуратуры
и полиции*

ИЛЬЯ СТАЛЬНОВ

По чесноку

Илья Стальнов

**Адвокат, адвокат, он
ворюге – друг и брат**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Стальнов И.

Адвокат, адвокат, он ворюге – друг и брат / И. Стальнов —
«Эксмо», 2018 — (По чесноку)

ISBN 978-5-04-098522-7

Редко когда встретишь такое сочетание: исчерпывающая компетентность автора в том, о чем он пишет, и легкий, свежий юмор, с каким он рисует подчас отнюдь не смешные сцены. Однажды весной, в самый разгар эпохи постперестроечного бандитизма, в Солнцевском районе Москвы появился щедушный молодой человек, обладающий редкой духовитостью, неуемной творческой энергией, множеством идей, порой завиральных и авантюрных. Неприметного гражданина звали Глобус. По причине телесной компактности основное время своей жизни Глобус трудился «форточником» — так на уголовном сленге величают вора, который забирается в квартиры исключительно через форточки. Однажды Глобус, проникнув привычным способом в чужое жилище, наткнулся там на хозяйку, мать крупного советского партийного чиновника. Жаркий спор двух идейных противников закончился нетривиально...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098522-7

© Стальнов И., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	25
Глава 9	26
Глава 10	28
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	35
Глава 15	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Илья Стальнов

Адвокат, адвокат, он ворюге – друг и брат

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Рясной И., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

Жулики

Калининград. 2003 год.

Шайка находящихся в творческом поиске мошенников отыскала целый Клондайк, золотые россыпи, то есть свалку радиодеталей. Зачем нужны негодные радиодетали? Ну, в умелых-то руках!..

Юноша томного вида заходит в магазин, торгующий всякой всячиной, от телевизоров до фаянсовых туалетных бачков. И, скромно потупившись, демонстрирует продавщице навороченную радиодетальку загогулистого вида, после чего осторожно спрашивает:

– Вам такая штука не нужна? Дешево отдаю. Это для спутникового ТВ.

Продавщица презрительно фыркает:

– Мы не барахолка!

Тут в магазине появляется хорошо одетая интеллигентная парочка. Новые посетители смотрят заворуженно на таинственную деталь. Потом, с уважением, на молодого человека. И глава семьи заинтересованно спрашивает:

– И сколько стоит?

– Да недорого отдам. Долларов за двадцать.

Мужчина тут же вытаскивает кошель со золотом и отслюнявливает двадцать долларов. Напоследок говорит:

– Смотри, сынок. Пробросаешься. Эта штукovina не меньше сотни долларов стоит, да еще и не найдешь.

– Так у меня их много, – потупившись, шаркает ножкой молодой человек.

– К сожалению, нам больше не надо, – объявляет глава семьи и удаляется.

Презрительное выражение на лице продавщицы трансформируется в заискивающее. Тут и директор магазина подтягивается. И закидывает удочку, как бы этот страшный дефицит прикупить:

– У нас наличности нет такой. Может, бартер?

– Ну не знаю, – пожимает плечами молодой человек. – Куда я его дену?.. Хотя давайте!

Подъезжает машина. В нее загружают ширпотреб. Происходит бартер.

А директор магазина через день задает себе вопрос: чего с этой фигней электронной делать? Очередь на нее что-то не выстраивается. Потом знакомый радиомеханик режет правду-матку – это электронный хлам со свалки. И директор находит ему применение – в качестве вещдока к уголовному делу. А чего стесняться? Таких историй по области уже десятки. Когда дураков столько, ты на их фоне вроде как и не выделяешься.

Когда жуликов задержали, оперативники потом долго обыскивали их гаражи, квартиры. Те все были забиты ширпотребовским хламом: люстрами, стиральными машинами, видеоманитофонами. Бартер!

Вышеописанное театральное представление на языке мошенников называется постановкой.

Другая шайка артистов и «режиссеров-постановщиков» в том же Калининграде нашла применение оказавшимся в их распоряжении никому не нужным бухгалтерским документам с устрашающими колонками арабских и римских цифр и красивыми печатями.

Живет себе и не тужит какая-нибудь фирма «Рога и копыта оптом и в розницу». Заходит в офис молодой человек, приятной наружности и интеллигентной манеры общения, очень хорошо одетый, и начинает грузить персонал какими-то дикими прожеками, типа скупить у Романа Абрамовича половину Чукотки или гребной винт от его яхты и перепродать дороже

на основе паритетного договорного участия вашей компании. Клерки делают вид, что внимательно его слушают – нужно быть вежливым и посылать тоже вежливо, а не как с детства привыкли, на три буквы. Калининград же почти Европа.

Неожиданно молодой человек оглядывается:

– А моей папки никто не видел?

Клерки озадаченно пожимают плечами. Откуда?

– Ну, елки-палки. Там же договора и документация! Это же... Ну это крах, граждане. Финансовый крах! Куда я ее дел? У водилы в такси оставил? Где теперь искать того водилу?! Все, побежал! Может, найду. Вот черт, ну не меньше тысячи долларов отдал бы, если бы мне папку мою кто вернул. Ох, дела мои грешные... Вот все мои телефончики. – Молодой человек протягивает визитки. – Но это потом. А пока... Папка моя папка...

Причитая, как еврейский ростовщик, потерявший доллар из последнего миллиона, парень отчаливает. Через пару минут заходит работяга в кожанке:

– Тут такой хлыщ болтливый не заходил? Папку у меня в машине оставил.

И трясет папкой. А в ней красивенькие документы с цифрами и печатями.

«Тысяча баксов», – щелкает у сотрудницы в голове обещание клиента. И она ласково так, вызывающим полное доверие голосом продавца недвижимости на острове Пасхи начинает гипнотически ворковать:

– А вы ее оставьте. Мы ему передадим. Обязательно передадим.

– Ну да. Там такие документы. Меньше чем за две сотни баксов не отдам.

Восемьсот баксов навару – тоже неплохо, хотя и не тысяча.

Водитель уходит с двумя зелеными сотенными бумажками. А предприимчивый юноша что-то по указанным в визитке телефонам не отвечает. Обманул, негодник! Ну, куда податься лоху? Конечно, в милицию.

Милиция не дремлет. Жуликов она задерживает. А я читаю распечатку разговоров молодого человека:

– И тут следователь смотрит на меня. Чмо такое, мол, я тебя насквозь вижу. А я думаю: чего ты видишь? Если бы я не здесь сидел, то, подвернись удача, был бы ты моим потерпевшим!

В этих словах имеется доля горькой правды. Как говорил мне один из старых мошенников:

– Поймите, любой человек на Земле хоть раз побыл лохом.

Ох как же он прав. Помню, мы разрабатывали группу мошенников: те нашли лоха и грейдером гребли с него в среднем по сотне тысяч долларов в два месяца. Но ситуация для задержания пока что-то не созрела. А тут один из жуликов приходит ко мне – но только не с повинной. Его, оказывается, кинул другой мошенник, который нам тоже был хорошо известен.

– Я к нему как к человеку. А он... Совести у него нет!

Вот так кидалы и становятся лохами. Все в мире преходяще...

Мошеннические постановки – выглядят они, конечно, забавно. Но с каждым годом становятся все более жестокими. Потому что в основном страдают от них пенсионеры и прочие малозащищенные слои населения.

Вон недавняя фишка. Покупает дедулька чудо-лекарство. Звонят ему через некоторое время приятные девушки. И объявляют – к сожалению, лекарство было токсичное. Жить вам осталось несколько дней. Однако, к счастью, у нас есть противоядие. К сожалению, не бесплатное – стоит двести тысяч рублей. Но, к еще большому счастью, мы отдаем его всего лишь по себестоимости.

И несут им, подонкам, пенсионные деньги и накопления. Если только инфаркт миокарда старичков не обслужит раньше.

Одного дедушку – бывшего прокурора, таким образом мошенники нагрели на несколько миллионов рублей. Правда, мы потом контору ту – некий дата-центр – с помпой и шумом накрыли. Под суд пошло человек двадцать.

Но жулики не дремлют. Изобретают новые прогрессивные методы. Оперативник из нашего отдела в Москве накрыл шайку негров из Экваториальной Африки. Ох каких же они находили лохов. Эталонных! Только истинный прирожденный лох может поверить, что если положить в коробку десять тысяч баксов, то в процессе шаманского ритуала там материализуется сто тысяч. Вот только в результате ритуала что-то шло не так, и исчезали и эти десять тысяч. Бывает. Магия штука непростая.

Смотрел я видеозапись этого кидалова и последующего задержания. Все же негры талантливы не только в рэпе и джазе. Есть в них склонности и к драматической игре. Вот только переигрывают сильно, любят глаза выпучивать и руки заламывать. Так что годятся они больше для индийского кино. Но для эталонного лоха оно только в плюс...

Глава 2

Военный Краснознаменный институт – осиное гнездо советской разведки

В этом повествовании, как мне кажется, уместно будет отступление с раскрытием вопроса: а откуда в природе берутся оперативники, следователи и судьи, тянущие телегу уголовной юстиции, как ассенизаторы смывающие всю социальную грязь нашего общества? Где учат бороться с убийцами, ворами, казнокрадами, выковывают верные понятия и правила жизни? Могу поделиться личным опытом. А заодно вспомнить мою дорогую альма-матер, ВКИМО...

Здесь птицы не поют, деревья не растут,
Глухой стеною обнесен военный институт.

Этой самой глухой стеной в Лефортове, на улице Волочаевская, были огорожены два новых корпуса, старинные царские красные казармы и конюшни – здания самого элитного (как мы считали) высшего учебного заведения Министерства обороны СССР.

1981 год. Мы стояли на плацу учебного центра около поселка Свердловка, что рядом со Звездным городком. Форма на нас, вчерашних школьников, пока сидела совсем неважно, явно не как влитая – не то что на тех, кто пришел в институт из строевых частей. Мы – это пятая группа первого курса четвертого факультета. Два десятка новоиспеченных курсантов со щитами и мечами в красных петлицах.

Эх, если бы знать будущее моих одноклассников, с которыми нам на пять лет фактически предстояло стать дружной семьей! Вот рядом стоит будущий руководитель Управления Администрации президента, а позже заместитель руководителя Роскосмоса. А справа – будущий губернатор одного из регионов, которому суждено процарствовать там полтора десятка лет, а потом попасть под каток кампании по борьбе с коррупцией и приземлиться в СИЗО. А вон будущий генерал – председатель Московского военного суда. И вот еще одна шишка в будущем – мой добрый друг, крупный чиновник Администрации Президента, автор практически всех военных законов начиная с середины 90-х, самый лучший и умный юрист из всех, кого я знаю. И слева от меня будущий прокурор одной из республик России. Тут же и будущие руководители подразделений военной прокуратуры и Следственного комитета. А вот сопредседатель Афганского фонда, который на разборках получит пулю, выживет и умотает на многие годы в США, чтобы вернуться потом в Россию и выступать в юридических телешоу на центральном телевидении. Но пока мы никто. Так, жалкие заготовки для Советской Армии, каким-то чудом прошедшие по конкурсу в военный вуз, куда, как нас убеждали, попасть вообще невозможно. Но мы попали. И впереди нас ждала «вешалка» – курс молодого бойца.

КМБ – это зарядки, физо, тактика, уставы, окапывание, строевая подготовка. Все для того, чтобы сделать свободного человека рабом приказов и уставов. Так началась моя армейская служба со всеми ее взлетами, падениями, вершинами разума и неразумными маразмами.

Кстати, насчет маразма – его мы хватанули полной ложкой и сразу. С первых дней КМБ курсанты начали валиться от дизентерии. Военная врачиха относилась к нам как к оловянным солдатикам – мол, сдохнете, и ладно, на переплавку отправим. Она видела во всех нас злых симулянтов и умудрилась дизентерийникам не давать освобождения от службы, гонять в общие наряды, в том числе по столовой. В результате половина потока в первые дни очутилась в «чумных бараках», то есть переехала из палаток в зимние казармы, ставшие карантинными.

ном. Какими же непотребными словами орал на врачиху приехавший на ЧП подполковник – начальник медслужбы института!

Ох, времечко было! Болезнь какая-то странная вышла – не шибко злая, без особо выразительных симптомов, так что я две недели валялся на койке, изображая больного, вместе с толпой таких же тунеядцев. А мои сослуживцы рвали жилы до изнеможения на полосе препятствий.

Рядом со мной скучал ставший мне другом будущий президент Федеральной нотариальной палаты, то есть глава всех нотариусов страны. Мы с ним читали Достоевского и вели беседы на тему философии и литературы. Тогда это было принято – интеллектуальные беседы, даже среди зеленой молодежи.

Наконец нас вышибли из чумного барака обратно в палатки – одна на отделение. Еще несколько дней мы побегали вместе со всеми – после диет и лежания на кровати это было труднее вдвойне. Потом стрельбы, где я умудрился из автомата попасть туда, куда надо.

И вот желтые институтские «пазики» – это было престижно, обычных солдат возили на грузовиках – доставили нас на родную Волочаевскую улицу. После палаток казарма на втором этаже из трех кубриков по пятьдесят человек, без горячей воды показалась нам хоромами. Она стала нашей на три долгих года.

А потом присяга – и на тридцать лет на моих плечах устроились погоны.

Вообще, первые дни службы, казалось, пережить невозможно. Ощущение, как будто свободного гражданина Афин продали в рабство на финикийскую галеру. Первый курс ты как салобон в армии – постоянно скачешь, бегаешь, всем все должен. И страшно хочется жрать – поэтому мы брали из столовки хлеб и таскали в карманах, за что подвергались публичному бичеванию, опозоренью и нарядам по службе.

И впереди было пять лет такой жизни, которые тогда казались вечностью.

Глава 3

Юристы и переводчики

На Волочаевской перед нами открылся загадочный мир, теперь ставший нашим, во всей красоте и неприглядности. Для справки: Военный Краснознаменный институт Министерства обороны был образован на базе знаменитого Военного института иностранных языков. Он выпустил как массу известных людей, в числе которых академики, знаменитый фантаст Аркадий Стругацкий, так и мало кому известных, проходящих под различными оперативными псевдонимами, свою жизнь посвятивших легальной и нелегальной разведке, бесконечным войнам на нашем земном шаре. В 1974 году к ВИИЯ присоединили военно-юридический факультет, таким образом на свет божий появился ВКИМО.

Наш институт состоял из нескольких факультетов, блатных и не очень. Первый – западных языков, самый простой для прохождения, где собрались самые умненькие и благоразумненькие дети самых прекрасных и высокопоставленных родителей. Курсантов там было человек тридцать.

Второй факультет – восточных языков. Относительно блатной. Там училось человек девяносто. Наиболее умные постигали японский язык, считающийся самым сложным в изучении – недаром у кого-то из них время от времени слетала кукушка вплоть до комиссования. Арабский язык там считался относительно престижным. Арабов СССР тогда любил, всячески с ними по-военному сотрудничал, поэтому у арабистов были хорошие шансы попасть по окончании института за границу – на какую-нибудь из многочисленных арабских войн. Самые несчастные люди и самые многочисленные там были «китайцы». Язык сам средней тяжести, единственно, что плохо – слово, произнесенное четырьмя разными тонами, имеет четыре разных значения, да еще иероглифов несколько тысяч надо изучить. Этот язык был самым депрессивным, ведь у тех, кто его освоил, путь был один – десятилетиями сидеть на Дальнем Востоке и заниматься радиоперехватами. В Китай тогда у китайистов попасть шанса не было никакого, вся надежда была на второй язык – английский, но он в армии не особо и нужен, а если и понадобится специалист на бортовой перевод на международные военные рейсы, то для этого есть куча бездельников с первого факультета. Кстати, справедливость восторжествовала, и сегодня китайисты пристроились лучше всех, когда выяснилось, что Китай наш партнер, а иероглифы у нас почти никто не знает.

Третий факультет был самый замороченный. Там готовили спецпропагандистов. Они изучали и западные, и восточные языки в полном объеме. Но, помимо этого, учились куче способов выворачивать наизнанку мозги потенциального или реального противника, работать с общественным мнением, убеждать врага, что сопротивление бесполезно и в плену ему будет куда лучше. Кстати, это такая социальная инженерия – одно из наиболее реальных и интересных направлений в институте. Если бы его развивали правильно и применяли во внутренней жизни страны, может, и развала Союза не случилось бы.

И наш четвертый – самый многочисленный, по полторы сотни лиц и морд на курсе – факультет. Приблудыши из Военно-политической академии, где раньше готовили военных юристов. Переводчиков наше существование рядом с ними вгоняло в неистовство – мол, юристы проклятые испортили их рафинированную атмосферу международного сотрудничества и светских раутов запахом сапог, гуталина и тюремной романтикой.

Был еще дамский факультет – там учились исключительно леди из высшего общества, как правило, дочери и внучки военачальников. И моя двоюродная сестра – тоже дочка и внучка, там училась, постигая итальянский язык, теперь в Италии она как своя. Они носили синюю

форму, получали стипендию девяносто рублей – обычные студенты в СССР получали, кажется, рублей тридцать. И девахи не переносили, что их считают не совсем военными.

Как-то у нас с концертом выступал Владимир Винокур. Посмотрел на зал и сказал:

– Ой, что-то тут много девочек в синеньких костюмах. Это пэтэушницы?

Действительно, тогда в ПТУ такую форму таскали. Я думал, Винокуру лицо наманикюренными ногтями располосуют. Такой гул возмущения пошел. Форма – это вообще была болезненная тема для курсисток. Они напористо требовали на институтских собраниях обрядить их в зеленый камуфляж с погонами.

– Тогда же вас в казарму сажать надо! – резонно возражали руководители.

– А мы согласны! – с вызовом кричали курсистки.

На строевом институтском смотре на плацу обычно на трибуне торчал замначальника института генерал-лейтенант Д. Поговаривали, среди курсисток учится его внучка. На курсантов он обычно орал благим матом:

– Переводчики, тяните ногу! Тяните ногу! Четче шаг! Плохо!

Это по мегафону на весь район, хотя институт считался секретным и какие там факультеты, знать не было положено никому постороннему, хотя знали все.

На девчонок Д. умилялся:

– Хорошо, девочки! Хорошо!

Пусть ходили мы и неважно, но курсисток вообще нужно было видеть. Толпа девок на шпильках цокает по асфальту нестройно, как стадо лошадей копытами, и еще пытаются изображать из себя нечто военно-строевое.

Контактировали мы с ними не так чтобы много. Почему-то сторонились. Правда, ближе к распределению начинались шуры-муры, а за ними и свадьбы. Особенно липли к ним курсанты, сами выгрызающие себе путь в жизни – это был реальный шанс через тестя или тещу получить хорошее распределение.

Имелись еще ускоры – курсы ускоренного изучения иностранного языка. Туда брали только из армии. Год ударными темпами преподаватели забивали в голову курсантам какой-нибудь язык – в основном пушту – афганский. Утрамбовывали более-менее разговорную речь и навыки письма. Потом звездочки младших лейтенантов на плечи – и на два года практика. Точнее, служба в горячей точке. Оттуда ребята возвращались уже старшими лейтенантами – на войне звания дают быстрее. Мы им завидовали страшно, поскольку нам до звездочек было пилить аж пять лет.

Для понимания того, что за специальность «иностранные языки» была в то время, нужно сперва понять, что же за такие существа были заграничники. Большинство населения СССР вообще не имело шансов выбраться за рубеж. Болгария была за счастье, а капстраны – это вообще фантастика и счастье. Съездить в занюханный Амстердам порой становилось главным событием жизни.

Живя за железным занавесом, мы по фильмам, рассказам и доходящим до нас западным шмоткам и технике представляли, что есть где-то далеко такая пряничная сказка, где люди поголовно ездят на собственных машинах и имеют магнитолы «Шарп». Забугорье – это была такая параллельная реальность. Та, куда добираются с загранпаспортами через спецтерминал Шереметьева и таможню. Возвращаясь оттуда из длительных командировок, советские люди тут же покупают автомашины «Волга», затовариваются в «Березках» импортными шмотками и даже продуктами, которых мы не пробовали и почему-то по дури считали, что они очень классные. В общем, иной мир. И заграничники были как бы иномирянами. Поехать за границу означало довести свое благосостояние до такого уровня, который обычным, и даже не совсем обычным, гражданам и не снился. В условиях товарного аскетизма импортные блестяшки значили много. И был такой пунктик у советского человека, вполне понятный – обладатели всего этого роскошества виделись ему людьми особенными. Заграничники же по

скромности своей считали себя простыми небожителями. А остальных не сильно и замечали – ну, кто-то там внизу копошится.

Вот так и с переводчиками. Нельзя сказать, что между нами была какая-то вражда, выяснение отношений. Но мы презирали друг друга искренне. Они нас считали быдлом, чернорабочими и вообще людьми бесполезными и непонятно как затесавшимися в эти святые стены. Теми, кто будет всю жизнь возиться с дезертирами и ворюгамм в дальних гарнизонах и света белого не видеть. А себя видели уважаемыми заграничниками, журиками виски на светских раутах и зашибающими чеки. Мы их воспринимали мажорами, стяжателями и фарцой, которых интересуют только чеки Внешпосылторга, на которые обменивали заработанную за границей валюту.

Эти чеки вообще для переводчиков были фетишем. Больше всего общались представители разных факультетов, когда лежали в санчасти. И это было настоящее испытание – лежать с «переводами» в одной палате. Через час башка начинает идти кругом от их самомнения и бесконечных дискуссий: а сколько чеков платят в Анголе, а сколько в Египте, а сколько в Афгане в аппарате советника? А где дают дипломатические чеки, а где простые? Вторая их большая тема была аппаратура. Где и сколько стоит магнитофон «Шарп», как его приволочь в СССР и где лучше продать за две тысячи рублей. И главная мечта – машина, на которую, если правильно распорядиться заработком, можно заработать за одну командировку. Создавалось ощущение, что им от жизни вообще больше ничего не нужно. Казалось, вся эта бодряга с международным военным сотрудничеством придумана лишь для того, чтобы «переводы» ездили по миру и зашибали чеки. И покупали машины. И прифарцовывали аппаратурой.

На самом деле, конечно, все было далеко не так. Переводчики ждали с замиранием сердца заграничкомандировки в такие страны, в которые сегодня и по приговору суда не зашлешь – упрекнут в издевательствах над осужденными. Наши курсанты были на практике и в воюющей Эфиопии, и в истекающей кровью Анголе, и черт-те еще где. Там, где воевало наше оружие – а тогда это была половина стран третьего мира.

И еще Афганистан – тогда он только начался. И наши переводчики ездили туда в аппарат военных советников, где платили очень много чеков. И в обычную армию, где платили мало чеков. Вот только бывало, что советников и переводчиков грохали афганские войска, при которых они были, и переходили на сторону душманов. Всяко бывало. Некоторым везло больше. Знал одного «ускора» – тот два года проторчал на курорте на островах Зеленого Мыса, приехал толстый и довольный до безобразия.

Но в основном их жизненным путем стала война. И с этих бесчисленных войн постоянно шли гробы. Кто-то рухнул на самолете, подстреленном ПЗРК. Кого-то настигла душманская пуля. Кто-то подхватил в Африке неизвестную болезнь и скончался в карантинной зоне эпидемиологической больницы на Соколиной Горе, где было отделение по тропическим болезням. Всякое бывало. И, несмотря на склонность «переводов» к побрякушкам и всяческим ништякам, нужно отметить, что они добросовестно тащили на себе тяжелую ношу войн на территории третьего мира между СССР и Западом.

В главном корпусе на первом этаже в туалете все стены были исписаны перепиской между «юрлой» и «переводами».

«От вашего ВИИЯ не осталось ни х...я». «Засуньте два ваших языка себе в ж...у» – на переводческих факультетах учили два языка.

Мечтой переводчиков было попасть в АСА – академию, готовившую военных дипломатов и джеймсов бондов. Кстати, шансов на это у них было не слишком много, потому что в академию охотнее брали строевых офицеров, понимавших что-то в военном деле. Но в итоге в военной разведке оказалось немало наших выпускников. Некоторые сделали карьеру. Вообще ВИИЯ был подчинен в старые времена военной разведке. И традиции остались еще с тех времен.

У нас был спецфонд, куда доставлялись иностранные журналы, военные справочники, все то, что остальным людям не то чтобы не дозволялось, но было недоступно. Были там увесистые справочники по всем мировым системам вооружения. Ходил анекдот: хочешь узнать секретные ТТХ нашего оружия, посмотри в английском справочнике. С гордостью «переводы» нам показывали журнал «Штерн», кажется, где на обложке была фотография нашего института с подписью «Осиное гнездо советской разведки».

Это приподнимало в своих глазах даже нас, юристов, которые к разведке вообще никаким боком. Но мы же тоже здесь, в гнезде – значит, причастны! А переводчики напускали на себя при этом такой задумчиво-всезнающий вид, мол, наше призвание – тайная война.

Кстати, у нас действительно было полно преподавателей оттуда, с тех самых гнезд. Немецкий преподавал легендарный человек полковник Б., всю войну пробывший нелегалом в Германии, его даже в гестапо пытали. После войны был барменом около американской военной базы и собирал военную информацию, прислушиваясь к разговорам пьяных америкосов. Потом жил на нелегальном положении в США. Рассказывал, что его приключения в гестапо фиגня по сравнению с тем, как он однажды проспал остановку в нью-йоркском метро и заехал в Гарлем, вышел из вагона и на него уставилось несколько негров-людоедов, при этом как-то жадно облизываясь. Спасибо, что очень хорошо бегал – рванул прямо через пути.

И таких монстров разведки и тайных дел всяких в числе преподавателей было много.

Правда, на разведывательную работу некоторые наши выпускники приходили с другой стороны, так сказать, с черного хода. На общем институтском собрании товарищи из органов принародно бичевали выпускника позапрошлого года, который продался ЦРУ в одной арабской стране, потеряв голову от цацек и легких денег. На его счастье, он тут же попался, не успев причинить существенный ущерб СССР. Иначе не отделался бы пятнадцатью годами. Ведь по тем временам могли запросто к «вышке» приговорить и расстрелять.

Надо сказать, «переводов» натаскивали на профессию очень хорошо – гораздо лучше, чем на гражданке. Школа ВИИЯ – она эталонная в какой-то мере. Напротив нашей казармы был лингафонный кабинет – так они часами слушали иностранную речь, перемежаемую звуками выстрелов и разрывами гранат – для натуральности. Отдельная тема – овладение военным переводом: курсант должен был знать тысячи военных терминов, при этом для начала разобраться в военной технике, тактике. Одно неправильно переведенное слово может привести к тяжелейшим последствиям и на войне, и на учениях.

Один двоечник на совместных учениях, где присутствовало командование дружественной арабской армии, так хорошо перевел арабским артиллеристам на их родной язык координаты накрытия цели, что те шарахнули снарядами прямо по штабу – хорошо, никого не убили. Так что ошибки чреватые.

Интересно, что после выпуска юристы и «переводы» время от времени натыкались друг на друга. В Баку нашелся мой товарищ со спецфака. Его, арабиста, занесла туда нелегкая после Ливии.

На Дальнем Востоке по доброте душевной наши ребята выдергивали из частей китаистов, которые одуревали в своей тайге, слушая по радио китайскую речь. Устраивали их на постоянку дознавателями в прокуратуру, и те были довольны. Многие переводчики разъезжались по разным странам, как моя сестра с мужем, почти на тридцать лет прописавшаяся в Африке.

Глава 4

Здесь вам не тут, здесь вам Военный институт

Мы закрутились в какой-то странной замкнутой колее, огороженной забором на улице Волочаевская. Не знаю, что все подразумевают под элитным вузом. Наверное, просторные солнечные аудитории, вдумчивые занятия. Я все больше помню бесконечную череду дней, наполненных учебой и нарядами. Гнобили нас достаточно жестко. Это же обычная войсковая часть получалась: то ты на кухне посуду моешь или выгружаешь отходы – это называлось «на параше». То ты в карауле. То стоишь на тумбочке дневальным и орешь диким голосом:

– Курс, подъем!

Строем, с песней на завтрак. Потом учеба. Самоподготовка. Вечерняя прогулка. Вечерняя поверка. Отбой. И снова по тому же заколдованному кругу.

Юристов, как самых многочисленных «зеленых человечков», командование воспринимало как массовую неквалифицированную рабочую силу. Самые черные наряды, самая большая часть плаца, самое маленькое количество увольнений в город – это была наша судьбинка. Мы были как в Спарте типа илотов, а переводчики себя ощущали истинными спартамцами.

Этот плац. Он мне до сих пор снится. Когда выпадал снег, он казался нам бесконечным. Часами работая скребком и лопатами, мы его ненавидели. Трудно даже представить, насколько тяжело очистить плац, даже в составе полной группы, после снегопада. Как-то по окончании сессии, когда группа отстрелялась на «отлично» и по правилам должна была тут же отбыть в отпуск, нам сказали – не отобьете лед на плацу, не пойдете. И мы еще день долбили ломом этот несчастный лед!

Сочинил на пике чувств я однажды в лютую зиму стих матерный:

Мороз, нет солнца, день ненастный!
Еще ты дремлешь, друг несчастный?
Пора, красавец мой, проснись,
И на зарядке пое...сь.

В глазах переводчиков мы были не только осквернителями храма международных отношений. Они не без оснований полагали, что закручивание гаек началось именно с образованием общего института. ВИИЯ жил гораздо более свободно в плане дисциплины, выходов в город и общей атмосферы. После переименования там к власти пришли строгие строевики-пехотинцы, которые мечтали сделать из нас некий штрафбат. Опять же отдувались за все юристы. Поскольку дисциплина у нас и у «переводов» была несколько разной, то раздолбайство, что считалось у них изящным и куртуазным, у нас жестоко каралось.

Мы с завистью смотрели на вольные нравы переводчиков. Определялся уровень дисциплины просто. Заходишь на курс – если у тумбочки дневальный, значит, здесь царит мрак насилия над личной свободой. Если дневальный дрыхнет, и проходи на курс кто хочет, и выноси, что надо – тут истинная свобода и равноправие. У переводчиков со второго курса уже редко кого встретишь на тумбочке. Мы и на пятом в общаге у тумбочки стояли, считая себя просто несчастными людьми от такого унижения. Самый раздолбайский был третий факультет – спецпропаганда. Там вообще царила анархия. Однажды дежурный по институту нашел на тумбочке дневального записку, прищтыренную штык-ножом: «Наряд ушел на фронт». Сейчас понимаешь, что от таких фокусов недалеко до трибунала, но тогда нас это вольнодумство восхищало.

Первый курс пролетел в кромешной тьме. До дома мне ехать от института сорок минут. И не бывал я там месяцами. На свиданки иногда приезжали родители, как к заключенным. Позже уже я выдал анекдот: вся учеба во ВКИМО – это три года общего режима (казарма) и два года колонии-поселения (общага).

Командиром на первом курсе у нас был молодой капитан, но из ранних – закрутил гайки так, что дышать стало невозможно. По любому поводу сыпались наряды вне очереди, так что некоторые особо продвинутые товарищи вообще не появлялись на лекциях, все время чистили сортиры, в чем достигли такого профессионализма, что учиться вообще не хотели – их и так устраивало. Капитан страшно хотел поступить в Академию Фрунзе и решил из нас сделать образцово-показательную деревянную армию Урфина Джуса – безмолвных солдатиков, только учащихся, не имеющих ни стремлений, ни желаний, кроме как соблюдение распорядка дня. Все было бы ничего, ну гоняют – с кем не бывает, если бы не встал вечный вопрос о социальной справедливости.

Ребята во ВКИМО учились непростые. Министр Гречко, который благоволил к институту – говорят, там училась его внучка, выделил на вуз значительные средства. Нам построили два шикарных корпуса, один выглядел небоскребом (при этом на шестнадцатый этаж запрещалось ездить на лифте на первых курсах, и все со стоном поднимались по лестнице), аудитории и классы, оснащенные по последнему слову техники – от нажатия кнопки опускались экраны, можно было просматривать слайды. Правда, долго техника эта не прожила, а понятие эксплуатационного обслуживания тогда отсутствовало.

По традиции в институте училась значительная часть курсантов из знатных семей. Внуки маршалов и генералов, членов Политбюро, самой верхушки СССР, которых семьи прятали на строгий режим, чтобы те чего не учудили. К ним привыкли, особыми привилегиями они не пользовались. У нас учился внук одного очень крупного деятеля ЦК (сейчас он хоть и не достиг уровня дедушки, но работает большой шишкой в Администрации президента). Так он месяцами сидел за различные провинности без увольнений. Когда выбирался все же, то из дома приезжал на «Чайке», оставлял ее за несколько кварталов и чапал пешком – лишь бы не увидели и чего плохого бы не подумали, не посчитали пустым мажором. В общем-то, все были равны. Но некоторые ровнее.

У курсанта папаша защищал Родину в Главном управлении кадров Минобороны и отвечал как раз за прием в академию. И первый курс его сынулю мы вообще не видели в казарме иначе как утром, когда он приходил из очередного увольнения и спрашивал:

– А чего вы здесь делаете?

Он стал анекдотом курса. Начальник его только в задницу не целовал, а так все пылинки сдувал. Нас же гнобил бесстыдно. И чуть не доигрался. Один из курсантиков пожаловался своему дяде – генерал-лейтенанту КГБ, что фигня какая-то творится. Капитана вызвали на Лубянку и песочили долго со словами: «Нам такие офицеры не нужны».

Начальник курса вроде бы что-то понял, хотя гнусности характера не изменил, и сын полка, то есть ГУКа, продолжал жить дома. Потом начкурса поступил в академию, и того вольного слушателя выгнали из института за неуспеваемость. Правда, перед этим мелкий негодяй в курсантских погонах устроил классное кидалово. Взял поносить в увольнение у одного нашего курсанта фирменный портфель типа «дипломат», типа перед девками попонтить. Тут же пошел и продал его курсовому офицеру за сто рублей. Ясно дело, все вскрылось, но с сына ГУКа как с гуся вода.

Потом нами стали заведовать в меру хитрые, в меру строгие, в меру доступные, в меру капризные, но в целом абсолютно нормальные курсовики. Один курсовой офицер, капитан, выпускник Московского общевойскового училища имени Верховного Совета, прибыл к нам из Ливии, где трудился советником в мотопехотном полку, и со смаком рассказывал, как для

поддержания дисциплины целый день держал провинившихся ливийских солдат под палящим солнцем при пятидесятиградусной жаре.

– Мы готовим из вас профессиональных убийц! – кричал он перед строем. – Ибо военный и есть профессиональный убийца!

Насчет убийц он погорячился. А вот профессиональными крючкотворами мы стали. И вполне успешными.

До самого конца обучения с нами могли выкинуть такой фокус – за плохое поведение выстроить весь курс в аэродинамической трубе – между столовой и казармой, где вечный ветер, а ты в ПШ одном, а температура минус десять. И продержаться так минут двадцать – чуть-чуть не доставало до воспаления легких. Но это рабочие вопросы, в принципе все злились, но никто особо не обижался. В целом все было вполне пристойно.

Тоскливее всего приходилось курсу на год старше. Там правил стальной дланью совершенно непоколебимый и непробиваемый начальник Рэд. Он держал народ в таких ежовых рукавицах, что у него почти все были отличники и ненавидели его страшно. По окончании на год выписали любимому руководителю журнал «Свиноводство». Может быть, он и почерпнул оттуда что-то новое в работе с личным составом. Кстати, из его пациентов многие сделали немалую карьеру – например, один небезызвестный ученый муж, член РАН, главный военный прокурор, а потом начальник Следкомитета МВД, ныне руководящий, кажется, Институтом государства и права.

Увольнение в город – камень преткновения для курсанта. Первые три казарменных года в выходные согласно уставу полагалось отпускать в пампасы не более тридцати процентов личного состава. И до фонаря, что это не строевая часть, а вуз – уставы для всех одни написаны. Так что в месяц ты максимум мог выбраться пару раз. Но это в лучшем случае. Два балла, незачет по физкультуре – сиди и не квакай, занимайся в классе или на брусьях отжимайся. Я однажды так проваландался два месяца – чего-то там исправить не мог. Были люди, которых вообще не выпускали, и они спасались самоходами.

Самоходы – то есть самовольные отлучки. Трудно молодому парню месяцами за колючкой сидеть. «Переводы» некоторые вообще жили в самоволках, утром толпами перелезая через забор – все это напоминало массовую сезонную миграцию животных. У нас с этим было построже, но любители все равно были. Сами выписывали себе увольнительные, подделывали печати.

Время от времени кто-то за эти фокусы заезжал на губу. Но на губе Московского гарнизона принимали наших неохотно. Один курсантик с нашего курса посидел там пять суток и такую телегу накатыл, что Московская гарнизонная прокуратура оттуда долго не вылезала и таких плюшек там всем выписала, что при слове о юрфаке начальника губы кривило всего.

Были и массовики-затейники, которые потрясающие фортели делали. У нас был курсант – просто артистический талант. Лучше Галкина. Он в совершенстве имитировал чужие голоса. Был у нас генерал-лейтенант Д., человек в возрасте и маразме, все время чего-то вещавший с трибун на плацу. Боялись его из-за непредсказуемости страшно, и никто бы не стал никогда переспрашивать о причинах того или иного его решения.

Так вот, наш парнишка приспособился по внутреннему телефону звонить начальнику курса и приказывать отпустить себя от имени Д. в увольнение. Срабатывало всегда.

Развлекался он так и в вечной войне с переводчиками. Лежит на плацу мусор. Он звонит в соседнюю казарму и голосом Д. говорит:

– Немедленно убрать.

Переводчики тут же застучать нас рады:

– Так это юристы бросили!

– Вот именно. Они бросили. А вы за ними ходите и подбирайте, подбирайте!

И подобрали...

Глава 5

Чем больше в армии «дубов», тем крепче оборона

Неприятие всего военного, как мы говорили, «дубового», – это такой нигилизм, который жил в нас достаточно долго. Знак суворовца у нас проходил как значок потерянного детства. Бывшие суворовцы были все как на подбор физически развитые, с военной выправкой, накачаны военной пропагандой, читали книги исключительно про армию и войну, чем приводили нас, интеллектуалов, в состояние ироничное и снисходительное. Но главными антагонистами своими мы считали кремлевских курсантов – Московское ВОКУ, самое образцовое мотострелковое училище Советской Армии – курсантов там гоняли как скаковых лошадей. Они там были все здоровенные, грубые и прямоперпендикулярные. То есть плебеи! Мы тогда так думали, по молодости не догоняя, что каждый занят своим делом и каждого именно под это самое дело готовят.

Мы ненавидели строевую подготовку, хотя стрельбы воспринимали благосклонно. Не переносили лагеря, где часами ползали брюхом по снегу, изображая роту в наступлении. Это было как-то далеко от наших устремлений. Хотя формально мы были и армия, но духа воинственного у нас особого не было. Один курсант получил пять суток губы, когда побрил виски ровно – под пацифиста (были тогда такие неформальные молодежные движения), и вообще едва не вылетел из института. Дисциплина, уставы и порядок воспринимались нами как обуза. Некоторое время, пока не поумнели...

Однажды по исправительно-трудовому праву повезли нас на экскурсию в зону, располагавшуюся, кажется, в Зеленограде. Провели по ней, показали, как там житье-бытье. И дали пообщаться с зэками с глазу на глаз.

Общение было такого плана. Мы спрашивали:

– А как вы на ужин, обед ходите?

– Строем, – отвечали нам.

– И мы строим. А вот как вы к доктору отпрашиваетесь – как заболели или как начальник разрешит?

– Начальник решает.

– И у нас командир решает.

В общем, уставной порядок с распорядком ИТУ пересекались процентов на девяносто.

Дисциплина, дисциплина, дисциплина. Военная косточка.

Самое смешное, что после окончания мы и стали теми, про кого ерничали – дисциплинированными, ответственными, с маниакальным стремлением к порядку. То есть теми же «дубами», и не видели в этом ничего зазорного. Вся эта система трансформации сознания на нас сработала стопроцентно. И, кстати, благодаря ей большинство моих однокурсников добились чего-то в жизни и прожили жизнь не зря. И теперь мальчишеские взгляды воспринимаются больше с улыбкой – ну, возраст такой был. Для нас тогда тридцатилетние командиры на курсе воспринимались глубокими старцами.

Какое бы у нас ни было отношение к происходящему, а жить было действительно нелегко, и самодисциплина и ответственность прорастали все глубже. За пять лет учебы залеты были единичные. Были и ЧП, но в принципе незначительные. Мы становились по-настоящему взрослыми людьми. И отношения были больше какие-то семейные, что ли. Друг за друга стояли. Вон марш-бросок. Бросить товарища нельзя. А у нас были те, кто сдыхал. И тащили их на своем горбу, матерясь всеми мыслимыми словами. Приходили к финишу чуть ли не первыми. И снисходительно прощали доходяг со смехом:

– Ну, сдох и сдох. Больше надо спортом заниматься!

Конечно, какие-то и конфликты были, и склоки, и подзуживали друг друга, и высмеивали, не всегда добро. Но чего не было никогда – это взаимного озлобления. И никому в голову не приходило, что наши одноклассники – осетин, армянин – чем-то отличаются от нас. Мы и не отличались. Мы были советскими курсантами одного из самых престижных вузов. И были братьями. Надеюсь, и сейчас ими остались.

Кстати, практически все главные национальности страны у нас были представлены. Кроме одной, известно какой. В институте был единственный еврей – на него показывали пальцем, как на диковинку, хотя был он своим в доску. Проник он в эти стены благодаря своему железному деду – генерал-полковнику, исторической личности, прославившейся в Великую Отечественную войну...

Глава 6

Юридические лица

Учили нас хорошо, но больше делали упор на прикладные моменты, которые понадобятся следователю и судье в будущем. Недаром в аспирантуру и на преподавательскую работу брали только тех, кто не менее трех лет прослужил на практической работе – считалось, нельзя преподавать то, чего сам не пощупал.

Государственное право вел Владимир Стрекозов – будущий зампредела Конституционного суда России. Преподаватели были разные – от любимых до глухо ненавидимых. Больше всего мы, начинающие сыщики, Эркюли Пуаро и мисс Марпл, любили все связанное с криминалистикой. Завкафедрой у нас был Антонов, блестящий лектор и практик-криминалист, которого постоянно привлекали к раскрытию наиболее значимых преступлений. Он вводил нас в романтику интеллектуального поединка с преступниками.

– Да ладно ваша криминалистика, – говорил нам преподаватель гражданского права остроумный и циничный Беспалов. – Следы зубов на потолке. Настоящая юриспруденция – это гражданское право. Остальное – это ее следствия.

Но мы с ним не соглашались. Обожали мы занятия по криминалистике. Выезжали в летний лагерь в Свердловке, осматривали там места происшествий, а именно – роняли Васю, нашу резиновую куклу в солдатской форме, и составили протокол, схемы, думали, кто его, беднягу, грохнул и чем. Допрашивали друг друга. Занимались криминалистическими играми – когда тебе дают вводную, ты пишешь, что надо сделать. Тебе дают новую вводную. В результате преступление раскрыто. Снимали отпечатки пальцев. Отстреливали раритетные стволы – у нас была уникальная коллекция различного огнестрельного оружия, начиная с XIX века. Кабинет судебной медицины мы прозвали комнатой страха – там на полках в витринах стояли заспиртованные колбы, в которых «радовали» наш глаз заспиртованные части человеческих тел с различными ранами или аналогичные муляжи. На судебной фотографии фотографировали «Зенитом» и даже снимали фильмы на видеокамеру. И даже цветные. Проявить в те времена цветную пленку – даже не знаю, с чем сравнить этот адский труд с несколькими сменами химикатов и непонятным итогом.

Почему-то любимым занятием многих преподавателей было поливать книжных героев с точки зрения тактики расследования преступлений.

– Эта дура Агата Кристи понятия не имеет, как преступления раскрывать! – эмоционально восклицал на лекции бывший прокурор-криминалист Московского округа – настоящий мастер, поднявший множество глухих преступлений.

Другой преподаватель паразитировал на фильме «Место встречи изменить нельзя», разбирая каждую серию с точки зрения организации мероприятий и проведения следственных действий – все не так, все фигово, нужно было по-другому.

Одни предметы нам преподавали интересно, ярко. Другие вдалбливали молотками так, чтобы все отскакивало от зубов. Уголовное право и процесс преподавали вальжный и умный доктор наук Тер-Акопов, профессор Бражник – уже в возрасте шебутной полковник, которого прозвали «точка зрения» – он на любой юридический вопрос отвечал долго и обстоятельно, заявляя в итоге: «А вот есть еще одна точка зрения». Точек зрения на самый простой вопрос у него было столько, что создавалось ощущение, будто в юридических науках вообще нет устоявшихся истин. Одни точки зрения. Где два юриста, там три точки зрения.

По юридическим дисциплинам проводили что-то типа олимпиад. Обычно в них участвовали наши, Высшая школа милиции и Высшая школа КГБ, иногда МГУ. Самые невежественные по юриспруденции были курсанты ВШК. Правда, в отличие от нас, их усиленно учили

языкам и каким-то военным премудростям, вооружению. Милиционеров готовили хорошо, с упором больше на практику, чем на теорию, но мы в теории права и анализе шарили лучше. Зато наших коллег из специальных вузов обучали таким дисциплинам, о которых мы и слыхом не слыхивали – например, оперативно-разыскная деятельность. Считалось, что про агентурную работу нам знать необязательно – и зря. Это то, знания чего нам нередко не хватало в работе.

Самые тоскливые дисциплины были общественно-политические. Политэкономии еще можно было терпеть – преподаватели у нас были идейно выдержанные, но вместе с тем позволяли себе порой немножко крамолы, расписывая все преимущества и даже недостатки социализма. А история КПСС – это было нечто. Нам объявили, что у нас вуз идеологический, поэтому вместо двух семестров мы изучаем ее целых три. По-моему, главного нашего лектора готовили сначала на гипнотизера – так он мастерски усыплял аудиторию за каких-то несколько минут. Особенно в те дни, когда перед началом занятий мы вставали в шесть утра и уныло тащились через пол-Москвы строем в баню. Лютой зимой, в холодрыгу. Отключались все, но лектор был не злобный и лишь изредка призывал проснуться и внимать. Результат налицо – из истории КПСС помню только то, что узнал уже после окончания вуза для интереса и из разных книг.

Но самой большой головной болью мы считали военную подготовку. Куча всяческих военных дисциплин: ОМП, тактика, бронетехника и вооружение, еще бог знает что. Мы это сразу внутренне отвергали. Это все дубовая кафедра, это нам не нужно, потому что мы элиты, мы юриспруденция, наш друг не Наполеон, а Перикл и Хамурапи с их законами. В этой позиции был максимализм мальчишек, одетых в военную форму, лишенных свободы передвижения, разлинованных уставами, но вместе с тем постигавших философию и смысл бытия в ракурсе юриспруденции. В общем-то, это было простое высокомерие.

Тактику мы учили все пять лет. И мне кажется, достаточно по-дурачки. Потому что нас обучали не как в военных училищах – максимум действия роты, батальона. Нас обучали действиям общевойсковых армий. В результате как командовать фронтом – я имею примерное представление, а как водить БТР и командовать взводом – очень приблизительное, хотя по выпуску уж ротой мы обязаны были командовать.

Забавные были занятия по военной топографии. Нам давали карту, ориентиры, и мы группами шатались по подмосковным лесам и поселкам, выходя к цели и распугивая местных жителей вопросами: а как пройти до ближайшего тракторного парка?

На военных дисциплинах водились преподаватели-уникумы. Военный историк Ионченко блестяще читал лекции, с огромным юмором, и учил нас премудростям военной жизни, его до сих пор вспоминают все выпускники.

Огневую подготовку преподавал полковник Ш. За ним надо было записывать – ну просто народный трибун, генератор афоризмов, прям Черномырдин. Страшно любил выступать перед личным составом, особенно в лагерях, где был старшим. Вот и брякнул то, что потом прилипло к нам, как скотч к сидению: «Эти юридические лица, которые ходят без строя!»

Так мы стали юридическими лицами, только без бухгалтерии и отдела кадров.

Огневая подготовка с ним – это длиннющие лекции, что патрон стоит как булка хлеба, а сколько мы хлеба, сволочи косорукие, сожрали своей бесцельной стрельбой? Кулак у него был огромный, он складывал кукиш и объяснял:

– Вот она, мушка-целик. Проводим мнительную прямую.

Курсовой офицер у нас был из потомственной генеральской семьи, слушал «битлов», был гламурный и тоже мечтал стать генералом. У нас он перекантовывался перед карьерным взлетом. Потом попал в одну серьезную контору, был откомандирован в одну тихую страну в Европе, попал под шпионский скандал и был выдворен под фанфары. В той конторе он, наверное, и по сей день. На стрельбище ему Ш. орет:

– Старлей, быстро сюда!

- Вы почему на меня кричите? – возмущался курсовой. – Я все же офицер!
- Говно ты, а не офицер!

Притом «говно» произносилось со вкусом и слышалось как «хоф-фно» – с ударением на первый слог.

Отдельная песня было физо. В основном бег – бегали мы как лошади. У нас преподаватель был – по-моему, чемпион мира или Олимпиады по марафону. Он мечтал сделать из нас марафонцев, подгоняя на занятиях: «Так, километр бежим, быстренько так... Теперь километр отдыхаем легким бегом... Километр бежим, так быстренько...»

С бегом у меня всегда было плоховато. Вот с гириями нормально – руки сильные. А с бегом на все дистанции, лыжами и метанием гранаты совсем швах. И меня постоянно оставляли тренироваться в субботу-воскресенье, загоняли в спортзал, где я любовался на наших качков, тягающих блины, и каратистов, молотящих по груше.

Помимо учебы, мы старались соответствовать понятию «человек думающий, образованный». И, кстати, командиры эти устремления разделяли. Например, вырваться в увольнение было затруднительно, но если ты брал пару билетов в театр, то тебя туда пускали группой. Пускали и в музеи. У нас была хорошая библиотека, и мы читали и классику, и новомодные книги. И Маркеса, и Стейнбека.

- Дайте мне Маркеса, – снисходительно вещаю я.
- Вам какой том? – спрашивает библиотечарша, подозрительно глядя на меня.

– А что, у вас их много? – с надеждой и интересом осведомляюсь я, зная, что книги Габриэля Маркеса дефицит и вот так сразу их получить – это просто везенье какое-то.

– Много! Молодой человек, не морочьте голову и говорите, какой том Карла Маркса вам нужен!

Зачитывали некоторые книги до дыр. Затевали дискуссии. Чуть ли не до мордобоя доходило: какой поэт лучше высказал метания Серебряного века и какой перевод Шекспира интереснее. Притом это считалось как бы обязательным – быть культурным и широко образованным, хотя тоже всякие у нас попадались – некоторые были явно не отягощены излишними мыслями и знаниями. Но запрос на интеллект имелся.

Постоянно нам привозили лекторов на скользкие темы. Помню политобозревателя Бовина, который забылся и начал такое молоть, что для нас пахло знакомством с особым отделом. Привозили артистов. Показывали фильмы. В общем, старались делать из нас относительно разносторонних людей, за что я благодарен моей альма-матер.

Глава 7

Насмеша прапорщика

Если у тебя чего-то нет, скажи об этом прапорщику, насмеша его.

Материально наша обалденная элитарная престижность не ощущалась никак.

Взять нашу столовую. В отличие от столовок войсковых частей, где за деревянным столом сидело по десять бойцов и ели они алюминиевыми ложками, у нас внешне все вроде бы было чинно и благородно. Располагались мы по четыре человека за столом, столовые приборы были из нержавеющей стали. Но вот сколько потом я ни ездил по войсковым частям, нигде не видел, чтобы кормили настолько отвратно. В алюминиевых бачках нам раздавали свалевшуюся перловку или макаронные рожки, такие склизкие, что мы их для лучшего аппетита сравнивали с опарышами. На стол на всех ставилась одна миска якобы с мясом, где в каком-то машинном масле плавали куски неопределенного происхождения, часто со щетиной.

Шрам на моей руке – это я порезался, когда таскал замороженные до каменного состояния австралийские туши то ли кенгуру, то ли баранов – еще с пятидесятых годов, из госрезерва, которыми нас кормили. Тайна, что это было за мясо такое, так и осталась до конца не раскрыта.

По воскресеньям нам давали вареные яйца. Уж ими мы наедались вдосталь, поскольку ели за себя и за своего боевого товарища, находящегося в увольнении в городе. По самым большим праздникам давали котлеты, по вкусу хорошие, но настолько это было редко – мы в ресторан «Пекин» чаще ходили.

Спасением был чипок – так назывался в народе буфет. Там мы обычно покупали яйца с майонезом или просто сырое яйцо, которое разбалтывали в стакане, мешая с крошенными кусками хлеба. А еще там были шикарные эклеры. Правда, это все стоило денег, а получали мы тогда по семь рублей в месяц, на старших курсах по пятнадцать. Но на столовке нашей долго не протянешь. Так что тратили деньги на еду.

Объяснялось это безобразием со жратвой просто. Зампотылу был армянин-полковник в шапке-аэродроме и очень богатый.

Прапорщики наши – это отдельная песня. Они как мыши опустошали вещевые склады. Куда они девали сапоги, наволочки, простыни – просто непонятно. Но воровали они неустанно и неразборчиво – все, что попадется на глаза. Ходил анекдот – все, что создано советским народом, принадлежит прапорщику.

Закончилось все это дело для них плачевно. Схема была такая. Разворовываешь львиную долю своего склада в Военном институте. Перед ревизией звонишь такому же прапорщику из Академии Фрунзе и из других академий и завозишь грузовиками с их складов имущество, чтобы отчитаться перед комиссией. Когда же у них проверка, помогаешь тем же. Особисты, видимо, прочухали это, и были организованы одновременные встречные проверки во всех академиях. С последующими уголовными делами.

Наш военный историк, будучи дежурным по институту, помню, поймал прапорщика, тащившего домой украденный солидный шмат мяса, и чуть ли не пинками гнал его по территории. Правда, и после этого мяса в тарелках больше не стало.

Впрочем, сапоги яловые нам давали, обмундирование тоже, так что страждущими мы не выглядели. Только первые два курса воровали друг у друга хлястики для шинели. Стоит одному хлястику пропасть, как все начинают снимать их у соседей, потому как без хлястика нельзя – нарушение формы одежды.

У нас были некие отмечающие срок службы маркеры, кроме курсовок на рукаве. Распушенные ремни, как у дембелей в армии, были не приняты, хотя на первом курсе все ходили затянутые, потом ослабляли, но не до безобразия. А вот сумки – это другое дело.

Для тетрадей и учебников нам выдавали клеенчатые сержантские сумки – на вид страшенькие, да и в них мало что помещалось. Но командиры следили, чтобы ходили именно с ними. На втором курсе нам позволили менять их на кожаные офицерские. А родители у многих были офицеры, поэтому и отдавали своим детям солидные такие сумки. Но это было еще так, шуточки. Настоящий престиж начинался с четвертого курса, а у «переводов» – со второго-третьего. Когда появлялись портфели типа «дипломат». Обычные кожаные чудовища из советского ширпотреба не котировались. Вот «дипломат» – это да. Тогда в ходу были индийские «Вип» – стоили дорого, да еще и дефицитные, но мы их доставали и сразу переходили в категорию людей серьезных.

Но за «переводами» нам было не угнаться. Они во время заграничных практик накупят таких «дипломатов», которых в России и не видавали – с отливом, роскошными замками. Это было как бы обозначение – кто есть кто. Мы завидовали. Но без злобы.

Глава 8

Общага

На четвертом курсе нам объявили, что мы теперь взрослые люди. Мы оставили казарму и переехали в общагу – такое многоэтажное здание на территории института, где были комнаты на два-четыре человека и один санузел на две комнаты. Ну, роскошь просто нереальная.

Эту общагу переводчики прозвали «Хилтоном». Еще более приятным выглядело то, что нам, кто по полгода без увольнительных сидел и города не видел, разрешили ночевать дома. В девять, после самоподготовки, уезжаешь. И приезжаешь аж к восьми утра. Ну, шикарно же! На метро покатаешься, на людей в гражданской одежде посмотришь. Себя покажешь, такого красивого.

Правда, счастье это было только москвичам и женатиками. На третьем курсе все начали срочно жениться, обрывать тещами и детьми. И даже появился женкомитет какой-то – в этой шараге терлись наши курсанты, все такие юркие, ушлые, настырные. Они все время что-то там требовали, выбивали льготы и послабления, чем раздражали всех неженатиков невероятно.

Но была одна закавыка. Домой не отпускали двоечников и залетчиков. То есть схватил пару, не пробежал лыжню на время – гуд бай родной дом. Сиди в «Хилтоне». Через некоторое время такой жизни становится уже вообще до фонаря, что там на воле происходит. Ну не отпустили в воскресенье в увал, сидишь, жрешь за весь курс масло, яйца и еще что дадут, в кино сходишь – лепота. Расслабуха. Что воля, что неволя – все одно...

Глава 9

Комсомольцы

Это была отдельная каста. По традиции лучше всего распределялись по окончании института активисты-комсомольцы и отличники. У комсомольцев шансов было больше, кто там за курс или факультет отвечал, и туда лезли не самые преданные делу партии, а самые прожженные и хитрые. И выплывали они наверх, зарабатывали очки за счет того, что портили жизнь окружающим, кого-то в чем-то изобличая и принципиально, по-комсомольски карая.

У нас как-то эти внесудебные комсомольские расправы над неугодными не практиковались. Но все же пострадавший у нас был – выпихнули из комсомола и из института уже на четвертом курсе. Лева – двухметровый толстенный детина с наивным улыбающимся лицом, профессиональный залетчик. Конечно, заскоки у него были – грешков было немало, ему все вспомнили, в том числе и прослушивание в комнате эмигрантских песен. Я и еще пара человек голосовали против того, чтобы его карать, но в лучших традициях массовой истерики все так накрутили друг друга, что Лева не поздоровилось. Тогда я понял, что при желании и некотором опыте манипуляций даже самый терпимый коллектив можно наэлектризовать, а потом и натравить на кого угодно.

Стучали эти комсомольские деятели с такой наивной непосредственностью, называя это принципиальностью. И чаще всего не по делу. Курсантам, без пяти минут офицерам, по Москве запрещалось ходить в гражданской одежде. По уставу ты всегда должен быть в форме. Но мало того, что обустроивать личные дела в таком виде не всегда удобно, а тут еще московская военная комендатура.

Мы сами ходили в комендантские наряды по городу и прекрасно знали, что у старшего патруля одна задача – записать как можно больше народу за нарушение формы одежды, дабы продемонстрировать рвение и избежать претензий к себе. Поэтому попадание на глаза патрулю означало, что тебя как столб обойдут, осмотрят и пометят, то есть докопаются непременно. Запишут замечание по любому идиотскому поводу – шнурки неглаженные там, носовой платок с цветочками, а потом из комендатуры в институт бумага с твоим именем – и сиди месяц без увольнений. А патрулей тогда много было, в метро – чуть ли не на каждой станции. И не пройдешь мимо них, гадов. Борьба с патрулями стала для нас таким народным спортом. Мы убежали, разрабатывали маршруты отступления и передвижения. Наиболее отвязные и физически развитые с ними дрались. Был такой молотобоец, который однажды парой боксерских ударов уронил патрульных и ласточкой перемахнул через забор института. Интересно, но последствий для него это не имело. Наш забор патрули предпочитали не пересекать, а оружия пристрелить негодяя не было – в Москве у гарнизонных патрульных были только штык-ножи.

В общем, понятно, при таких раскладах по выходе в город все переодевались в гражданку. Для этого в окрестных домах снимали квартиры – туда еще можно было привести нежную особь женского пола чайку попить. Скидывались на эти квартиры в складчину, так что получалось недорого.

И вот перед распределением такая сволочь из комсомольского комитета на комсомольском собрании института выступает и открытым текстом:

– Многие курсанты ходят по городу в гражданке!

И закатывает глаза – мол, более ужасного он в своей жизни ничего не видел.

– И гражданку они хранят на съемных квартирах!

Заложил так заложил. После этого рейды пошли, чтобы эти хаты вычислить. И вся малина закончилась.

Вообще-то, такие вот псевдопринципиальные комсомольцы и догробили СССР. Это некая каста приспособленцев, лишенная какой-либо морали, чувства локтя, но держащая нос по ветру. В девяностые годы они быстро перекрасились из комсомольцев в либералов и продолжают нас терзать под новыми лозунгами...

Глава 10

Иностранцы

Был во ВКИМО факультет иностранцев – там готовили юристов для военных структур всего нашего обширного дружественного мира.

Это вообще люди были забавные. Монголия присылала угрюмых, с пытливыми глазами офицеров, которые ни с кем не откровенничали, жили своей жизнью, ничего обычно не нарушали и держались строго.

Кубинцы – их все любили. Курсанты – подвижные, веселые, спортивные. На Кубе до сих пор особое внимание уделяется здоровью населения и спорту, и мы наглядно видели результат такого подхода. Они все были прекрасными гимнастами. Карате тогда было запрещено в СССР, а на Кубе ему обучали чуть ли не в обязательном порядке. Кубинцы все время устраивали в спортзале спарринги. Нашим институтским спортсменам рукопашный бой преподавал знаменитый тренер Тадеуш Касьянов, а стиль у него был самый жесткий. И они утверждали, что ударная техника у кубинцев никакая – это больше балет, чем драка. Но выглядело красиво.

Учились кубинцы очень добросовестно. Не знаю, правда или нет, но поговаривали, что неуспевающих вполне могли отозвать на Родину и там отдать под трибунал за то, что нерадиво расходуют государственные деньги и позорят перед старшим братом Остров Свободы. Кто его знает... Но по ним удрученности заметно не было. Люди очень позитивные были, и общались в рамках дозволенного мы с ними с удовольствием.

Отдельная песня – афганцы. Они проявляли потрясающие способности в освоении русского языка. Буквально через пару месяцев они уже вполне свободно лепетали по-нашенскому. На этом их учеба заканчивалась – они все погружались в фарцовку. Постигание премудростей юриспруденции их вообще не интересовало.

Тогда в СССР дубленки стоили по тысяче рублей при зарплате в сто пятьдесят, да и тех не было. А в Афгане этих дубленок завалили. Вот афганцы их и возили сюда, продавали, а туда увозили то, чего там нет: часы, калоши, утюги, примусы, всякую ерунду, которая у нас за товар не считалась, а там ценилась сильно. Восторг восточного человека – торговля. Остальное суета...

Глава 11

Практика

За четыре года службы привыкли, что мы никто – бесплатная рабочая сила на кухне и караульные, иногда почитывающие учебники по юриспруденции. Ты же просто солдат, чья голова забита всякими ненужностями типа уголовного процесса и криминалистики, но куда употребить многочисленные знания – не совсем понятно. Притом было полное ощущение, что так будет веки вечные. Горы сотрутся в пыль, и моря высохнут, а мы все будем ходить в караулы и на кухню...

И тут практика – сначала следственная, потом прокурорско-судебная. И вот ты попадаешь в совершенно другое качество. Тебя объявляют приказом и. о. следователя, выдают прокурорское удостоверение, по которому к тебе ни один патруль докопаться не может, поскольку особый статус. И ты из черного раба превращаешься в белого – нет, пока еще не господина, но так – господинчика. Офицеры, которые тебя гоняли, что ты им честь не так отдаешь, не так свистишь, не так голос подаешь, уже смотрят с опаской: а что ты, сволочь такая, накопишь в его войсковой части и лично на него? Конечно, он может тебе попенять, что ботинок твой не чищен, но сделать ничего не может без риска превышения полномочий. Красота!

И тут выясняется, что голова у тебя забита вполне востребованными знаниями. И учили тебя неплохо.

В первый же день работы следователем я расколол взятодателя, которого безуспешно колола вся прокуратура.

Это был первый допрос, который я видел в реальности. Мужичонка, хилый такой, тщедушный, из гражданских, а не военный, сидит, съезжившись, а на него все орут:

– Колись, сука!

Он начинает что-то слабо вякать про соцзаконность и требовать прокурора. Ну ему со словами «ща дадим тебе прокурора» и подогнали заместителя прокурора.

Мужичок почувствовал, что пол трясется, и ощутил спиной что-то неладное. Дверь с треском распахнулась. Зашел зампрокурора – такой двухметровый тучный детина в очках с толстыми стеклами. Посмотрел на допрашиваемого, как на насекомое, отметил теми же словами:

– Колись, сука.

– Я ничего не знаю!

– В камеру гада!

Свезли бедолагу в ИВС на трое суток. Там мы с ним поплакались друг у друга на груди. И он со словами «далеко пойдешь, курсант» выдал мне явку с повинной, кому и за что давал взятки.

Дело это было необычное и интересное. Командир автомобильной роты ВВ умудрился организовать небольшой гешефт – вместе с гаишниками от своей части сделал несколько сот левых водительских удостоверений за две сотни рублей каждое. Притом всем желающим, кто по-другому сделать удостоверение не мог, – среди них были и увечные, и даже дальтоник, который тут же врезался в грузовик, не сумев распознать, какой цвет светофора горит. Вызывали мы на допрос даже секретаря райкома, что по тем временам было вообще чем-то невероятным.

В общем, поняли мы, что учили нас не зря. Что мы кое-что можем. И что у нас есть реальная власть от имени государства. Не то чтобы нас сильно тянуло к власти, но все же у курсантика, который еще вчера выгребал пищевые отходы, от этого голова кружилась сладостно.

Потом прокурорская практика – там вообще ты король, потому что при должных усилиях можешь так напроверять войсковую часть, что все командиры с должностей вылетят. В каком-

то стройбате я накопал несколько фактов криминала – мордобития там и прочее. Так командир чуть не плакал, умоляя – давай забудем. А я – у меня старший есть, пусть он и принимает решение.

В общем, самолюбие свое мы приподняли нормально так. И работать научились немножко на практике, а не в теории. Интересной была практика в трибунале в Северо-Кавказском военном округе в Ростове. Там впервые увидел дела тридцатых годов, троек, приговоры времен войны, которыми были завалены все архивы.

«А еще он говорил, что немецкий шнапс лучше. Решение тройки – штрафная рота». Дезертирство – расстрел. Строго было.

Много интересных дел трибунал рассматривал. Так, перед нашим прибытием окружной судья приговорил к расстрелу офицера КГБ. Он при зарплате триста рублей набрал около миллиона рублей взяток со священников, которых курировал. Без его ведома ни один перевод в новый приход не мог состояться. А денег уже тогда в церкви было предостаточно.

С практики мы приехали – и опять к нарядам, караулам и в столовку. В общем, опять выяснилось, что ты вовсе и не белый человек, а снова кухонный негритенок. И можешь только первокурсникам втирать о своей нереальной крутости – они на тебя смотрят с уважением, поскольку ты был на следственной практике, а они даже не знают, доживут ли до нее.

Глава 12

Распределение

Распределение – это было шоу! Судьями трибуналов назначали с двадцати пяти лет, а мы были в основном младше, поэтому нас сначала отправляли начальниками канцелярий. В трибунале всегда считалась работа солиднее. Во-первых, трибуналов меньше, чем прокуратур, и они обычно в больших городах, а не в каких-то глухих деревнях. Во-вторых, судьи получали больше. В-третьих, работа гораздо спокойнее. В четвертых, была возможность уехать в загранку – в группу войск. Поэтому трибунал всегда выбирал лучших, отличников, зная, что они согласятся на это.

У нас курс был каким-то сдвинутым по фазе. Мы наслушались лекций по криминалистике, посмотрелись на профессора Кондратьева в Институте судебной психиатрии имени Сербского. И нам всем вдруг сразу захотелось в следствие, на передовую – примерить на себя фракки непримиримых борцов с уголовной преступностью, которым суждено изменить мир. В результате в трибуналы вообще все идти отказались. И их кадровики чуть не плача зазывали нас, как на ярмарке расписывая преимущества своей именно службы – для них это был абсурд.

Несколько человек отправились в юридическую службу – юрисконсультами. По-моему, кто-то даже попал военным адвокатом – такая ерунда была в группах войск, где гражданского адвоката взять неоткуда. Но основная масса – это рабочий класс, следователи прокуратуры. И вопрос главный: кто куда поедет?

Самый бластной, естественно, Московский округ. Он был зарезервирован для детей и внуков. Все расписано, и чужим туда можно не надеяться и не стремиться.

С первого курса нам говорили: кто лучше учится, тот лучше распределится. Может, когда-то так оно и было. Но во время нашего выпуска прокурор Среднеазиатского округа накал гневную бумагу в ГВП, что ему присылают из института одних двоечников – так и было, туда отправляли залетчиков. Прокурору кадровики вняли. И всех наших отличников запихали в Киргизию и Казахстан. Мой друг с красным дипломом уехал в Киргизию и несколько лет обслуживал всю республику, не вылезая из самолетов и поездов.

Забайкальский военный округ, который переводили как «забудь вернуться обратно». Льготной зоной он не считался, в отличие от северов, и служить там могли десятилетиями, перемещаясь из каких-то там деревень в Монголию и обратно. Его тоже решили разбавить отличниками.

Помню, один из наших краснодипломников, умница, отличник, с каменным лицом выслушивает приговор кадровика:

– В Лесогорск ЗАБВО распределяетесь. Да, климат там тяжелый. Оперативная обстановка сложная. Квартир нет. С едой туго. Но вы не бойтесь, лет через десять мы вас заменим.

Парень не выдержал и процедил:

– Да пошел ты на...

Кстати, побывав в должности зампрокурора ЗАБВО, теперь он заместитель начальника военно-следственного управления по Москве, так что у него заслуженно все сложилось на отлично. Человек сделал себя сам, своим умом и трудолюбием.

Я попросился в Закавказье – там тепло, вино, хачапури и города большие. Меня туда и направили. Как раз приказ был – кавказцев туда не направлять. В развитие этого приказа все кавказцы вместе со мной туда и поехали – у них у всех обстоятельства были исключительные.

Поскольку институт был выше по статусу, чем обычное военное училище, давал академическое образование, то нас страшно бесило, что мы как обычные люди вынуждены носить синие поплавки военных училищ. Имели право на белые академические поплавки, но нам их

никто не давал. И вот перед выпуском наши предприимчивые прапорщики-хозяйственники втихаря развернули бойкую такую торговлю – то ли десятку академический значок стоил, то ли типа того. Затраты оправдались – в войска уехали не какие-то там синепоплавковые «дубы», а «академики»! Кстати, на местах эта пыль в глаза действовала. Не раз слышал уважительное: «Такой молодой, а уже академию окончил!» Поступление в академию было мечтой для строевого офицера, а тут лейтенант – и уже оттуда. Завидно же!

Глава 13

Военные юристы

Ну, а что теперь с моим родным вузом? Недавно проезжал мимо него, и меня поразило, насколько же он маленький. Для меня это был целый мир, а сейчас всего лишь небольшая застроенная площадка. И невзрачно как-то. Шикарный забор чугунный с пиками, на которых самовольщики боялись пронзенными повиснуть и куда мы вешали стащенный из кабинета криминалистки манекен в военной форме, который дежурные принимали за обнаглевшего курсанта-самовольщика – сейчас вместо него унылая бетонная ограда. «Хилтон» снесли, на его место водружен жилой дом со стеклянными окнами в рост. Все не то и не так. Или это старческое брюзжание?

Перемены потрянули наш институт сильно. Когда напасть и мор навалились на нашу страну, какое-то болезненное мироощущение проникло и туда. Девяностые стали переломом. Пошло разложение. Шустрые курсантики уперли несколько ящиков с автоматами – воришек поймали, автоматы вернули, но после этого огнестрельное оружие из института вывели и караулы кончились. В «Хилтоне» юристы-старшекурсники со знанием дела уже начали влезать в какие-то юридические аферы – там все время различные правоохранительные органы изымали то наркотики, то большие суммы денег.

Апофеозом стала история с выездной гей-бригадой. Один из руководителей крупнейшей госкорпорации задвинул в институт с глаз подальше сына-гомосека. Но тот и там не пропал. Нашел таких же – откуда они выползли, леший их заberi, непонятно. При нас таких не водилось вообще ни в каком виде! Создал из них гастролирующую шарашку для оказания интимуслуг. И развозил их по гей-клубам – говорят, хорошо зарабатывали.

Но и это пережили. Сегодня есть единый Военный университет. Туда собрали всех: теперь там и экономисты, и журналисты, и еще бог знает кто. Даже дирижеров готовят. Несколько военных училищ, в том числе Львовское политическое, влили. Как и все образовательные реформы, прошло все бестолково, глупо и вредоносно, зато современно и эффективно. Теперь есть там платные отделения. И специальность в дипломе теперь указана не юрист-правовед, что всем понятно, а такая, что голову сломаешь, но так и не поймешь, о чем речь идет – все как у людей в эпоху краха образования и торжества понтов и несуразицы. Большую часть профессорско-преподавательского состава растеряли. Уровень преподавания начал обрушиваться. Былая респектабельность, традиции – и ВКИМО, и других вузов, вошедших в университет, растворились, будто и не было, вместе с нашим фирменным куражом и самомнением. Но худо-бедно доколдыбали до наших времен. Это уже хорошо – не все военные вузы выжили.

А сейчас существование военно-юридического факультета под вопросом. Военные судьи вообще лишились погон. У прокурорских и следкомитета свои вузы. Юридическая служба в Минобороны усохла и народу много не примет. Дознаватели военной полиции? С ними вообще пока ничего не ясно. И кого будет готовить наш вуз?

Вопрос ставится об уничтожении военно-юридической специализации, и это будет очередная катастрофа. У нас была прекрасная школа военно-юридического образования, которое само по себе достаточно специфично и отличается от обычного гражданского. У нас были научные школы. Военная администрация, уголовное право – все это сильно специфичные сферы, которые требуют отдельного подхода.

Ну и традиции. Из нас, оболтусов, делали государственных людей. Тех, кто ныне занимает ведущие позиции во всех ветвях власти. Мы были надеждой и опорой государства. Готовы были хоть в Ирак, хоть в Чечню, хоть к черту в пасть. Нам вдалбливали, что государство – это

все, а собственный карман – ничего. И многие – не все, конечно, впитали это и приняли как единственно возможное в этой жизни.

Равно нельзя сбрасывать со счетов и уникальную школу военного перевода. Тоже сфера настолько специфичная, что требует особого подхода и особых специалистов. Это тоже люди востребованные и государству необходимые.

Надеюсь, не я один это понимаю.

Недавно праздновали мы тридцатилетие выпуска. Многих товарищей уже нет в живых. Многие стали большими начальниками, нефтяными олигархами или тихими пенсионерами. Годы пролетели быстро. И со слезами на глазах я благодарю судьбу за то, что завалился на экзаменах в МГУ и таким образом попал во ВКИМО, мой родной вуз с родными мне людьми.

Глава 14

Солнцевские бандиты

Друг мой Игорь С. работал оперуполномоченным угрозыска в Солнцевском районе в самый разгар эпохи постперестроечного бандитизма. Территория эта славилась своими стойкими хулиганскими, бандитскими и общеуголовными традициями. Много чего пришлось пережить ему такого, от чего волосы слишком рано стали седыми.

Познакомился тогда Игорь со многими замечательными людьми. Некоторых даже приходилось задерживать. Одна из самых колоритных фигур – это классик бандитского жанра, лидер крупной подмосковной бандитской группировки Глобус.

Тот был тщедушен и в окружении своих туповатых горилл смотрелся совершенно убежденно. Но обладал духовитостью, неумной творческой энергией, множеством идей, порой завиральных и авантюрных, а также убежденностью и космическим самомнением. Так что все эти окружающие его горы мышц, выступающих челюстей и твердокаменных лбов шли за ним послушно, как крысы за гаммельнским крысоловом.

По причине телесной компактности основную часть своей воровской жизни он трудился «форточником», то есть вором, который забирается в квартиры через форточку. Однажды он влетел по-крупному. Когда выставял хату, туда неожиданно вернулась хозяйка. Он с испугу бросил в нее металлическим предметом. Попал в висок. В результате – труп. А тут еще пострадавшая оказалась матерью секретаря обкома. В общем, Глобуса быстренько нашли и закатали по полной. Да еще и отпрессовали так, что через год у него начались помутнения сознания, клаустрофобия. С диагнозом шизофрения он заехал в спецбольницу в Белых Столбах. Умудрился оттуда выйти живым и относительно здоровым. Потом снова воровал и садился.

Выйдя в очередной раз и застав расцвет перестройки, понял, что времена настали свободные и бандитские. Будучи авторитетом, сколотил разношерстную шайку. Гоблины повиновались ему беспрекословно.

Ноу-хау у Глобуса было то, что во времена, когда шла взаимная резня между славянскими и кавказскими бригадами, он, чья старые воровские законы, на национальность внимания не обращал и набирал всех подряд. Интербригада такая вышла – достаточно боеспособная и отмороженная.

В поле зрения солнцевского угрозыска он попал в 1990 году по вине хозяина кооператива, с которого вымогал аж восемь тысяч рублей. Это была как раз цена автомобиля «Москвич». Кооператору денег стало жалко до слез. Бывают люди, для которых копейка дороже жизни. Написал он заяву. И была спланирована совместная операция созданных тогда подразделений по борьбе с оргпреступностью – ОРБ, и уголовного розыска.

«Стрелка» для передачи денег была назначена у книжного магазина на Полянке. Игорь с напарником немножко припозднились и прибыли уже на место перед самым началом операции. Первое, что бросилось в глаза – несколько бандитского вида амбалов со злыми и настоженными взорами, как бы невзначай прогуливавшихся туда-сюда.

У Игоря пистолета не было, и он сказал напарнику:

– Не, с этими без стрельбы не справимся. Готовь ствол.

Впрочем, ствол готовить не пришлось. Амбалы оказались бойцами отряда милиции специального назначения, располагавшегося тогда в Колобовском переулке. Главный кулак московских оперативных служб.

Глобус подъехал на место на своей машине «ВАЗ-2106». Передача денег прошла. Команда «фас» – ох как любят ее спецназовцы.

Глобус был щеголем, на нем – модные и редкие тогда кроссовки с высокой шнуровкой. И спецназовцы так энергично его выдернули из салона машины, что кроссовки слетели и остались внутри. Задержанного оттащили в спецназовский «рафик», приковали наручником к скобе. После этого бойцы пошли вылавливать и плющить бойцов Глобуса.

– Лежать, сука!

Когда «сука» валится, ее для порядка отработывают спецназовскими башмаками и заковывают в наручники. Занятие это было настолько увлекательное, что спецназовец, стерегущий Глобуса в машине, не выдержал и побежал на помощь – надо же пнуть бандита, а то и вспомнить не о чем будет в старости.

Оставшись один, бандитский авторитет протянул тонкую кисть через браслет. Осторожненько вылез из «рафика». И в носках припустил через стройку.

Ловили его еще пару недель. Отработывали связи. Наконец была получена информация, где он хоронится. Обозленные спецназовцы при задержании его так отпинали, что он на месяц прописался в семьдесят первой больнице под охраной. Потом его мурыжили еще полгода.

А потом... Ну, ходили слухи, что следователь хорошо погрел руки на этом деле. Во всяком случае, через пару месяцев после прекращения уголовного дела он купил квартиру, да потом еще и сделал стремительную карьеру. Так это или не так, кто же теперь скажет. Дело давнее. Но лучше бы бандитскому авторитету тогда было посидеть лишних пяток годков.

Глобус с головой погрузился в дележку собственности и бандитские разборки. Резко попер в гору. Прикупил себе длинный «Линкольн» с антенной спутниковой связи и соответствующим телефоном. Стал считать себя хозяином жизни. И был сбит на взлете – застрелили беднягу в спорткомплексе «Олимпийский» на дискотеке ЛИСС за избыточную хитрозадость и стремление получать выгоду, лавируя между славянскими и кавказскими бригадами.

Игорю несколько раз пришлось беседовать с авторитетом, притом достаточно откровенно. Глобус производил на него двойственное впечатление. С одной стороны, классический уголовник старой формации. Любитель понтов, фронт – одевался в клубные костюмы с платиновыми и золотыми пуговицами. С другой – человек начитанный, очень неглупый, писал неплохие стихи. Умел куртуазно ухаживать за дамами. Имел семью, в которой души не чаял. В общем, человек, не чуждый каких-то своих принципов.

Интересно, но милицию, несмотря на свои поломанные ребра, он врагами не считал и ненависти не испытывал. Полагал, что каждый делает свое дело. Его дело – воровать и бежать. Милиции – ловить. Жизнь покажет, кто лучше со своим делом справляется...

А ненавидел он больше всего кооператоров, цеховиков и прочий подобный сброд.

– Ты посмотри, до чего эти барыги страну довели! – говорил он Игорю. – Все разворовали, твари такие! И будут теперь нам, вору, долю платить!

На почве сословных предубеждений он не переносил лидера Солнцевского преступного сообщества знаменитого Михася – его потом Швейцария все судила, да не засудила. Тот работал до начала своей бандитской карьеры барменом в «Интуристе», и Глобус никогда не стеснялся напомнить всем об этом:

– Он же халдей! А я вор...

С Михасем Игорю приходилось пересекаться при самых разных обстоятельствах. Лидер преступного сообщества обычно проводил свои оперативные совещания на площадке у кинотеатра «Солнцево» (бывший «Юность»), как раз рядом со 176-м отделением милиции. И можно было видеть из окон отделения, как стекаются к кинотеатру машины с верными михасевскими нукерами.

Однажды Игорь со товарищами при обыске в доме Михася извлек из-под его кровати «дипломат» с шестьюстами тысячами долларов. Больше всех был удивлен сам хозяин дома. Он вполне искренне восклицал:

– Хоть убейте, не помню, как этот «дипломат» там оказался!

А на «дипломате» том пыль с палец толщиной. Так и было – кинул и забыл...

Самого лидера «солнцевских» Игорь, как ни странно, во всех смертных грехах не обвиняет, поясняя свою позицию следующим образом:

– Он больше бизнесмен был, чем бандит. Ну, время такое было. Не поставишь чужих бандитов на место, тебя самого уконтрапят. Борьба за выживание.

Услышал я у него и мысль, что по большому счету сам Михась давно стал эдаким брендом. Реальное руководство там еще в середине девяностых перехватили выходцы из различных спецслужб.

Для Ельцина тогда спецслужбы были лютыми врагами. Перетряс он их кардинально, спустил с небес на землю, многие вполне заслуженные офицеры остались не у дел. Некоторые от обиды пошли работать в мафию, где их приняли с распростертыми объятиями. Некоторые со временем возглавили криминальные группировки, другие успешно трудились там консультантами. У моего шефа было в производстве оперативное дело по «ореховским» – наверное, самой отморозенной и дерзкой группировке России, так в нем половина фигурантов тоже конторские, во главе с полковником госбезопасности в запасе.

Интересно, что Глобус принципиально не брал на службу бывших сотрудников госбезопасности и милиции. Он считал их скурвившимися «суками», которые перешли на другую сторону. Презирал их и близко к себе не подпускал.

В солнцевской группировке позиция была другая. Брали спецуру только так. И через некоторое время их почерк отлично читался в разных преступных деяниях. Как в той истории с инфарктом калибром 5,45...

Глава 15

Инфаркт имени Калашникова

Однажды в выселенной пятиэтажке угрозыск прихлопнул некую «гостиницу» для киллеров, которых местная братва приглашала поучаствовать в дележке собственности и массовом убиении конкурентов – сами уже не справлялись с планом по валу. Приехали оперативники в «логово зверя», а там в комнатах целая гора тротила и ящики уже снаряженных самодельных устройств с радиовзрывателями.

Начальник штаба отделения тогда прикатил и стал подчиненных строить – мол, обеспечить оцепление и осмотр, я тут главный, так что пойдя, принеси, доложи. В общем, штабная культура в действии. И он гордо так приказы по рации раздает, приобщается к историческому моменту.

Тут саперы приезжают. Заходят в комнату с арсеналом. Смотрят на взрывные устройства. И старший диким голосом орет:

– Все из здания! И рации выключить! Рванет же на хрен!

Действительно, могут частоты и сигналы от работающих радиоустройств так совпасть, что радиовзрыватель выполнит свой последний долг и отдаст прощальный салют.

Начштаба тут же ветром сдуло. Смылся со словами:

– Вы тут работайте, а у меня дела в отделе срочные...

Ничего. Выжили все. Разминировали. «Гостиницу» прикрыли. Но на уровне бандитизма, шагавшего тогда по стране, это не сказалось. Стрельба и взрывы продолжали звучать.

Был в Солнцево бизнесмен. Заключил с братвой договоры на строительство домов, взял бабки взаймы. И то ли в МММ прокрутил все деньги, то ли в другие аферы попал, но к выполнению обязательств был совершенно не готов. Братва его предупреждала долго и настойчиво.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.